

Право первой ночи

Автор:

[Сандра Бушар](#)

Право первой ночи

Сандра Бушар

– Ты знаешь, зачем сюда пришла? – Конечно, – удивилась девушка, поведя плечами. Но фон Миллер нарочито молчал, желая, чтобы слова сорвались именно с ее губ. – По праву вы должны провести первую брачную ночь со мной, после чего я смогу отправиться в дом мужа. – Верно, – качнул головой мужчина, вальяжно и без всякой охоты повернулся к приросшей к полу Адалин. Взгляды скрестились – в комнате внезапно стало нечем дышать.

Сандра Бушар

Право первой ночи

Глава 1

Адалин застыла перед дверью, не решаясь войти. Сердце предательски выпрыгивало из груди, перед глазами плыли черные пятна.

На дворе первое декабря. Бешеный, пробирающий до дрожи холод. Но праздничная ночная сорочка девушки облепила ее стройное, влажное от страха тело, словно вторая кожа.

– Боже, – ладошка скользнула по адски горящим щекам, грозящим оставить ожог на коже. – Скорее бы все это закончилось...

Стройная Адалин Семирсильд всегда отличалась среди других молодых особ аппетитными формами. На фоне необычайно тонкой талии упругая пышная грудь выглядела привлекательно для мужчин поселения. Шарма добавляли вьющиеся и густые рыжие волосы, достающие почти до упругих, сочных ягодичек. Розовые губы, напоминающие бантик, аристократически бледная кожа, выразительные голубые глаза – все делало ее объектом вожделения.

Адалин была крестьянкой, дочерью дровосека и прачки. В девушке не угадывалось ни капли магии, но семья всегда знала, что Адалин выйдет замуж удачно. И в день восемнадцатилетия к ней посватались почти все неженатые мужчины округи. От простого пьянчуги до фермера!

Конечно же, родители выбрали самую удачную партию – библиотекаря. Самсон Фолк был обучен грамоте, владел основами магии, но все же являлся таким же крестьянином, как и сама Адалин. Прошлой осенью ему исполнилось пятьдесят, и рыжая борода плавно переходила в густую шевелюру. При взгляде на девушку он омерзительно и похотливо облизывал тонкие, словно два прутика, губы, но Адалин списывала это на преклонный возраст.

– Адалин, – шепотом окликнула девушку горничная, буквально всучив той в руки зажжённую свечу. Девушка отмахнулась от неприятных воспоминаний, которые ненадолго отвлекли ее от печальной реальности, и жалостливо уставилась на престарелую женщину. – Пора. Господин фон Миллер ожидает. Он просит вас поторопиться, чтобы поскорее вернуться к своим делам.

Адалин принялась, от свечи шел аромат гибискуса и лаванды. Это странное «совпадение» вызвало у нее жесткую ухмылку. Гибискус обладал чудотворным свойством дарить умиротворение, а лаванда всегда являлась олицетворением слова «покорность».

Горничная торопливо развернулась, быстрым шагом уходя в конец темного коридора. Адалин смотрела ей вслед, ощущая, как с каждым мгновением сердце начинало биться все быстрее и быстрее.

– Пойдите, – неожиданно для себя воскликнула девушка. Женщина обернулась. – Какой он... феодал?

– Не называйте его так, господин этого не любил, – испугалась горничная, по инерции сделав шаг назад. Такая реакция озадачила девушку. Значит, феодал держал всех в узде и страхе. – Он... Он... Лучший хозяин, которого можно только пожелать. Достойный носитель почетной фамилии фон Миллер из древнего прославленного рода драконов.

Адалин поморщилась от заученных и пустых слов горничной. По факту это она и так знала от местных: феодал, землевладелец, несметно богат, обладает вспыльчивым нравом и, что самое важное, один из семи оставшихся носителей звания ДРАКОН.

Девушка не знала, правда это или очередная бредовая городская сплетня. Никто не видел драконов вживую, но все отчаянно их боялись.

– Нет, – замотала головой Адалин. – Как он выглядит? Глаза, волосы...

Кажется, женщину не на шутку озадачил такой вопрос. Она медленно почесала затылок, а после подняла непонимающий взгляд на Адалин:

– Какая вам разница?

И вправду?.. Какая разница?

Он всего лишь феодал, который по закону обязан лишить ее невинности и подготовить для брака с библиотекарем Самсоном Фолком. Право первой ночи никто не отменял.

И все же глаза Адалин стали влажными. Она до боли прикусила нижнюю губу, чтобы не разрыдаться, и капелька крови капнула на идеально выглаженную белую сорочку.

Ее первая ночь... То, что должно остаться в памяти навечно, как самый незабываемый день в жизни, будет подарено чужому мужчине. Тому, кого она никогда не видела. Ведь среди знати не принято общаться с крестьянами!

Адалин протяжно выдохнула, а после набрала полные легкие воздуха. Тогда ее рука смело упала на ручку двери и непоколебимо повернула, открывая, прежде чем девушка растеряла остатки уверенности.

– Ах... – сорвалось с трясущихся от страха губ. Адалин замерла на пороге, будто сделай она шаг вперед – упадет в пропасть. Разобьётся навсегда, растворится в бездне! Но взору открылся лишь горящий камин, красное мягкое кресло, картина с летним пейзажем...

– Заходи, – грубый, резкий, стальной, повелевающий голос заставил ее вздрогнуть. Адалин пошатнулась, едва не потеряв сознание. Пальцы неосознанно сильно сжали свечу, буквально раздавливая воск пальцам. Адалин и не заметила, как свеча затухла у нее в руках. – Сколько еще ждать?

Девушка не видела фон Миллера, но ее буквально накрыла лавина его недовольства. Каждая клеточка тела поддавалась его приказам, чувствовала рядом прирождённого главаря. Сильная энергетика мужчины-правителя давила на нее физически, раздавливала.

– Ты передумала выходить замуж? – отрезвил ее внезапный вопрос, в котором слышалась доля насмешки.

Нет, Адалина не могла подвести семью. Родители бедствовали, им нужен был зять, как опора в будущем. Разве одна ночь, требуемая законом, должна разрушить грядущее счастье?

– Нет, господин, – робко прошептала девушка чужим отстраненным голосом. После зажмурилась и, наконец, не глядя, ступила вперед. Все, пути назад больше нет!

Напротив камина располагалась высокая кровать из черного дерева с красным балдахинном. Адалин лишь слегка мазнула по убранству взглядом, но тут же ее распахнутые глаза остановились на высоком, массивном мужчине, сидящем на краю постели. Кудрявые черные волосы доставали до плеч, бархатный халат так сильно облегал мускулистое тело, что едва ли не трещал по швам.

– Как тебя звать? – равнодушно протянул хриплым басом, который напомнил Адалин рык дикого, необузданного зверя. Главаря стаи, предводителя.

– Адалин, – робко ответила девушка, после чего одернула сама себя: – Адалин Семирсильд, дочь дровосека и прачки.

– Адалин, значит... – равнодушный голос не успокаивал девушку. Ведь угроза из него все еще не исчезала. Кроме того, сама мысль оголиться перед незнакомцем сводила с ума. – Ты знаешь, зачем сюда пришла?

– Конечно, – удивилась девушка, поведя плечами. Но фон Миллер нарочито молчал, желая, чтобы слова сорвались именно с ее губ. – По праву вы должны провести первую брачную ночь со мной, после чего я смогу отправиться в дом мужа.

– Верно, – качнул головой мужчина, после чего вальяжно и без всякой охоты повернулся к приросшей к полу Адалин.

Взгляды скрестились, в комнате внезапно стало нечем дышать. Адалин поразили густые черные брови, острые черты лица, хищный и враждебно-холодный взгляд мужчины. Наверняка сохраняющийся годами.

С каждым мгновением крылья носа феодала раздувались все сильнее и сильнее, будто в какой-то странной одышке. Адалин могла бы решить, что мужчине плохо. Только вот он, наоборот, будто все больше и больше оживал с каждым вдохом.

– Какими духами ты пользуешься? – сквозь зубы рявкнул фон Миллер, жадно сминая пальцами одеяло под собой. Он будто всеми силами пытался удержать себя на месте, не кинуться на хрупкую, перепуганную девушку.

Адалин ничего не ответила, глядя на то, с какой невероятной скоростью расширяются его зрачки, а черные глаза превращаются в ало-красные. Будто два испепеляющих костра!

– ОТВЕЧАЙ! – подпрыгивая с места, закричал он. Лицо стало пурпурным от злости, синие вены набухли, расплетаясь по лбу.

Адалин обхватила себя руками и закрыла глаза:

– Никакими, господин. В нашей семье нет денег на такие вольности.

Когда незнакомые, чрезмерно горячие пальцы коснулись подбородка, она напряглась, словно струна. Горячее дыхание коснулось губ. Фон Миллер держался на расстоянии, но будто заполнил собой все пространство.

– Я, по-твоему, глупец, Адалин? – словно десертное вино, смаковал ее имя мужчина бархатным, неожиданно хриплым голосом. – Этот запах... Дьявол, какой странный аромат...

Быстро пораскинув мозгами, Адалин неожиданно вспомнила и, вцепившись в спасательный трос, на одном дыхании выпалила:

– Мне дали свечу с ароматом гибискуса и лаванды. Возможно, запах впитался...

Она не успела договорить, ведь большая массивная ладонь сжала ее хрупкую шейку. Стоило фон Миллеру надавить чуть сильнее – и девушке конец, верная смерть. Но он словно специально держал ее на грани, заставляя дрожать от страха, трепетать от ужаса. Из глаз девушки предательски брызнули слезы отчаянья, конечности онемели.

Все же о нраве землевладельца не шутили... Он был самым настоящим психом!

– Кто тебя подослал?! Говори! Кто?! Я ведь все равно узнаю! – неумолимо повторял он.

Пытался выбить какое-то признание, но девушка не имела даже малейшего понятия, о чем идет речь. На долю секунды Адалин и вовсе пожалела, что решила выйти замуж. Но позже взяла себя в руки. Нужно пережить эту ночь... Всего одну маленькую ночь!

Когда фон Миллер осознал, что девушке нечего сказать, то просто разжал пальцы, позволяя хрупкому телу Адалины скатиться к его ногам. Девушка нехотя уперлась лбом в колено великана, пытаясь отдышаться.

– Значит, – словно не веря самому себе, твердил феодал, – ты пришла сюда только за первой брачной ночью, Адалин?.. Отдать дань закону?

– Именно так, – держась за горло, невнятно протянула она, пытаясь подняться с места. Но от стресса тело ослабло, страх сыграл свое дело.

Фон Миллер подхватил ее прежде, чем Адалин успела попросить о помощи или даже подумать о ней. Одной рукой, словно пушинку, он поднял ее над полом. Пальцы властно впились в ягодицы, а предательская сорочка перестала ощущаться.

Когда тело девушки опустилось на мягкие кремовые простыни, она с облегчением подумала, что осталось совсем недолго. Еще пара мгновений – и все будет кончено. Фон Миллер отправится в свой мир, а Адалин – в скучную, пресную, однообразную, но такую необходимую их бедной семье реальность к библиотекарю.

Адалин закрыла глаза, сильно зажмурилась. Но все равно почувствовала, как громоздкое тело феодала смяло под собой одеяло, он возвысился над девушкой.

– Открой глаза, – властно приказал мужчина, рассекая воздух голосом, будто самым острым кинжалом.

Инстинкт самосохранения требовал склонить голову, повиноваться, исполнить любую просьбу. Только Адалин была слишком напугана даже для малейшего движения. А когда ладонь фон Миллера скользнула по шее, где только недавно были его пальцы, девушка и вовсе обомлела.

Адалин услышала, как тяжело и сбивчиво он сглотнул, нервно прочищая горло.

– Открой глаза, дорогая Адалин, – ласковый, хриплый, такой непозволительно интимный баритон поразил без пяти минут жену библиотекаря. Она не ожидала подобной нежности от того, кто едва ли не убил ее пару минут назад, и от неожиданности широко распахнула голубые глаза.

– Ах! – задохнулась девушка, от ужаса забившись на месте.

Кроваво-красные глаза глядели в упор. Так близко, что губы почти касались ее губ, кончик носа – ее носа.

– Пустите! – визг заполнил каждый сантиметр комнаты, но фон Миллер продолжал удерживать ее руки над головой, безмолвно любуясь Адалин. – Прошу вас!

Да, именно! Ей казалось, он любит ее. Жадно хватая каждый ее взмах ресниц, впитывает движения губ, задыхается ароматом кожи. Это явно было плохим знаком.

– Ты боишься меня? – широкие брови удивленно взметнулись, и в этот момент на лице фон Миллера застыло какое-то по-детски растерянное выражение. Он не знал, что делать со впавшей в истерику Адалин, как ее успокоить... И стоит ли это все же делать?

– Да, господин, – честно ответила девушка, опуская взгляд вниз, на черный халат с небольшим вырезом, обнажающим часть мускулистой груди, покрытой слабой растительностью.

– И что же тебя пугает, Адалин? – словно змей-искуситель, вкрадчиво протянул он, буквально пригвоздив девушку к постели своим телом. Она нервно сглотнула, ощутив, как что-то очень внушительное из мужских штанов упирается ей в бедро. – Ты ведь сама пришла сюда. Сама вошла в мою спальню. Я не звал тебя, так ведь? Не заставлял?

– Так, – вынуждена была признать девушка, а затем, набравшись наглости и покрывшись густым румянцем, выпалила на одном дыхании: – Я решила, что вы откупитесь от права первой ночи. Некоторые землевладельцы так поступают... – Фон Миллер промолчал, лишь раздраженно сузил глаза, неотрывно глядя на Адалин. Поэтому она вынужденно быстро перевела тему разговора: – Рядом с вами мне неловко. Разделить постель с незнакомцем для меня – испытание... Ах! – Адалин резко запнулась, когда пальцы мужчины коснулись ее бедра, грубо и жадно сминая ягодицы. Вторая рука скользнула по талии, накрыла пышную, сочную грудь. Соски набухли, четко прорисовываясь через тонкую ткань, что не осталось без внимания фон Миллера. Он жадно облизнул пересохшие губы, инстинктивно толкаясь бедрами вперед и рыча что-то неразборчивое, невнятное, спутанное...

– Продолжай, дорогая... Что тебя смутило больше всего? – будто в странной эйфории прошептал феодал. Мутный взгляд, будто пьяный до безобразия,

смутил Адалин. Но она решила, что, если настойчиво продолжит изъясняться, отвлечется от происходящего.

– Если убрать из внимания то, что вы едва ли не убили меня всего пару минут назад...

Горячий, как исчадь ада, большой палец землевладельца коснулся ее соска, заставляя Адалин потерять мысль. Спазм прошел по каждой клеточке тела, застыв где-то между бедер. Адалин прогнулась в спине, не сдержав рваный, сбивчивый, невнятный стон. Фон Миллер поймал его губами, глухо выдохнув. И все же девушка решила продолжить:

– Ваши глаза... Никогда не видела ничего подобного. Это какая-то болезнь?

Мгновение – и фон Миллер замер. Атмосфера в помещении мгновенно поменялась, стало зябко и холодно, по спине прошли леденящие душу мурашки.

– Глаза? – удивленно переспросил брюнет, так сильно сжимая челюсти, что девушка услышала скрип зубов. – Что с ними не так?

Адалин воскликнула немедленно, поддаваясь странному, пугающему ее порыву – не быть объектом злости землевладельца:

– Они ведь красные, господин!

Фон Миллер в мгновение ока соскочил с постели и оказался в другом конце комнаты, у широкого зеркала в золотистом обрамлении. Адалин приподнялась на локтях, желая рассмотреть происходящее лучше, но тут же зажмурилась и вскрикнула.

Увидев свое отражение, мужчина буквально раздавил в руках зеркало, и мелкие осколки дождем разлетелись по спальне.

– Невероятно! Просто невысказанно! – яростно, раздраженно, неистово свирепо рычал хозяин замка, круша все на своем пути. Он лишь мельком скользнул взглядом, полным презрения, по Адалин и тут же прошептал себе под нос: – Боги... Бедная безродная глупая крестьянка! За что мне это, пресвятые

угодники?! Чем я так прогневал Всевышнего?!

– Господин... – едва слышно попыталась вставить свои пять копеек Адалин, но тут же была заткнута свирепым, раздраженным взглядом.

– Не смей покидать спальню! – рявкнул фон Миллер, выбегая из комнаты и хлопнув дверью так, что та едва не сорвалась с петель, а картины на стенах упали на пол.

Глава 2

В комнате было на редкость темно и прохладно. Разожжённый камин не особо нагревал каменные стены старинного замка. Затаив дыхание, Адалин хорошо слышала шум волн, ударяющихся о массивные скалы, расположенные прямо под спальней.

Она ждала возвращения фон Миллера до самого утра, не сомкнув глаз. Сердце от страха выпрыгивало из груди от каждого шороха в коридоре или проходящей мимо горничной.

Девушка с тоской думала о родителях, которые так и не нашли откупные за первую брачную ночь. А жених, увы, поскупился. Будь у Адалин хоть какая-то дорогая вещь, она отдала бы ее феодалу и сбежала бы из этого жуткого места раз и навсегда!

Увы, закон писан не для бедных...

Часы над камином пробили восемь утра, когда в дверь кто-то робко постучал. Девушка вскочила на ноги, ощущая, как от ужаса предстоящего реальность плывет перед глазами.

– Входите, – зачем-то пропела онемевшими губами Адалин, хотя это ведь дом землевладельца. Он может быть где угодно, а она – подневольная крестьянка.

В комнату заглянула пышная брюнетка лет тридцати, в черной форме с белым передником и таким же чепчиком – именно так выглядели все горничные в этом доме.

– Меня зовут Агата, госпожа. Теперь я буду вам прислуживать, – женщина склонила голову, употребив совершенно не типичное для крестьян обращение. Это поставило Адалин в тупик, девушка вконец растерялась. – Господин приказал помочь вам переодеться для завтрака.

Адалин не стала убеждать в чем-то Агату, тем более разъяснять ситуацию. Если смена одежды поможет поскорее убраться отсюда, почему бы не выполнить волю фон Миллера?

Агата вела ее куда-то в самый конец темного коридора, нетипично обложенного с пола до потолка каменной кладкой. Как шептались люди, богачи любили роскошь и золото. Здесь же господствовал мрак, практичность. Даже канделябры сделаны из металла и зачем-то прикручены к стенам.

Небольшая комната, куда привела ее служанка, напоминала гардеробную. Из мебели здесь находились лишь пара резных деревянных стульев, обитых дорогим изумрудным бархатом, и впечатляющий своими размерами платяной шкаф.

– Какое вам больше нравится, госпожа? – Адалин в который раз поморщилась от такого обращения – будто к великосветской даме, но все же с доброй завистью взглянула на распахнутый перед ней шкаф, полный всевозможных пышных платьев. – Прошу вас поспешить. Господин не терпит опозданий.

Робко и осторожно девушка провела кончиками пальцев по ткани изделий. Бархат, шелк, велюр... О такой роскоши ходили легенды, но Адалин и ее родители никогда не видели подобного.

– Чье это? – с придыханием протянула она, замирая взглядом на красном атласном платье, на юбке украшенном парой золотых веточек с розами. Вообще-то оно было самым скромным из всех, но наиболее впечатляющим.

– Эти вещи, как и эта спальня, – Агата обвела взглядом покрывшиеся пылью покои, куда привела девушку, – принадлежат госпоже фон Миллер.

– Она в отъезде? – опрометчиво выпалила Адалин, но горничная не спешила отвечать, отведя взгляд. Щеки девушки стали пунцовыми от мысли, что подобную заинтересованность могут понять превратно, поэтому тут же поправила себя: – Я имею в виду, не будет ли хозяйка против, что я посмела надеть ее платье?

– Нет, не будет, – только и сказала женщина, доставая то платье, которое Адалин неосознанно придерживала рукой.

Впервые в жизни кто-то помогал Адалин переодеться, кто-то справлялся с ее прической. Мать девушки никогда не считала нужным укладывать волосы дочери или хотя бы помогать ей с этим. Зачем? Если от тяжелой работы все возвращается на круги своя.

И вот теперь из зеркала на Адалин смотрела совершенно другая особа – статная, красивая, молодая леди. Узкий корсет подчеркивал упругую грудь и тонкую талию, а красная прозрачная накидка позволительно для общества обнажала тонкие белоснежные руки.

– Готово! – Агата соорудила на голове девушки золотой венок, прекрасно сочетающийся с платьем, оставляя длинные рыжие волосы волнами ниспадать по спине. – Обычно дамы предпочитают косметику, но вряд ли она вам нужна, госпожа.

– А я и не леди, Агата, – наконец, не сдержалась Адалин, но горничная никак не отреагировала.

И действительно... Губы Адалин были ярче любой помады, а глаза настолько голубыми, что любые тени сделали бы лицо вульгарным и чересчур перенасыщенным красками.

Спускаясь по лестнице, Адалин чувствовала себя счастливой. Пусть это ощущение мимолетное, призрачное и такое дьявольски глупое... Но что значит первое новое платье для восемнадцатилетней девушки? Ранее она носила лишь обноски мамы или пожертвованные односельчанами вещи.

– Вас ждут в гостиной, – Агата кивнула на приоткрытую резную дверь, стекла в которой были выполнены витражами, а золотые лианы будто «обнимали» узор. Страшно представить, сколько стоит подобная редкая вещь!

И снова Адалин осталась одна перед дверью огромной комнаты, снова она не решалась войти внутрь. Мимолетную радость затмил страх новой встречи с фон Миллером, и девушка набиралась мужества, тяжело дыша.

– ...Но, господин, – услышала она обрывок фразы ее библиотекаря Самсона Фолка. Он непривычно для ушей девушки лебезил, явно пресмыкаясь перед собеседником. – По факту брак в церкви уже заключен. Формально мы муж и жена. Осталось только консумировать брак.

– Это не имеет никакого значения, – грубо, резко, уверенно отрезал фон Миллер, а слова его эхом разлетелись по всей комнате. Каждый раз от баритона феодала у Адалин по телу шли мурашки страха, он умел запугать одним лишь голосом. – Никакой консумации быть не может.

– Но, господин... – Адалин задохнулась, узнав еще и голос отца.

«Что они делают в этом месте? Что происходит?» – эхом отзывались вопросы в голове девушки, но она не находила ответов, продолжая постыдно подслушивать.

– Я дам вам обоим достаточно денег, чтобы вы навсегда позабыли про Адалин, – ошаршил девушку землевладелец. Адалин задохнулась от этой фразы, перед глазами потемнело. Что значит «забыть навсегда»? Нет, ее любимый отец никогда на такое не пойдет!

Слава Всевышнему, рядом стоял небольшой стеклянный столик, и девушка едва ли не присела на него, когда ноги перестали держать.

– Сколько? – спросил отец, и сердце Адалин предательски дрогнуло, во рту почувствовался странный привкус желчи. Зазвенели монеты. На слух было сложно определить точную сумму, но она была явно приличной. – Ну, что же... Мы не можем перечить воли господина. Будь все по-вашему.

Слезы рекой потекли из глаз девушки, попадая на платье и оставляя на нем мокрые следы. Она яростно и агрессивно стирала их с лица, но от этого щеки становились еще мокрее, а истерика сильнее.

Родной отец отказался от нее за мешок монет. Так просто, будто продал козу на рынке... Всегда она любила его и, если потребовалось бы, незамедлительно принесла бы себя в жертву ради благополучия родителей. Именно это она и сделала, согласившись на брак с Самсоном Фолком.

Мешок монет. Мешок монет...

- И все же, - возразил Фолк, набравшись смелости, - я не согласен. Так не должно быть.

На минутку в душе Адалин загорелась слабая надежда. А что, если жених ее любит? Что, если хотя бы он не отпустит ее не пойми куда? Не продаст?

- Вы любите ее? - со странной яростью сквозь зубы прорычал фон Миллер.

- Нет, конечно, нет... - засмеялся библиотекарь, и сердце девушки окончательно разбилось на миллион осколков.

Ее невозможно любить... Никто и никогда не полюбит. Тем временем «деловой» разговор набирал обороты:

- Мы венчались в церкви, мой отец - священник. Я не хочу быть опозоренным на все село, ни одна девушка в дальнейшем не примет мое предложение о браке, посчитав недостойным женихом. Мне нужно наследство, господин фон Миллер. Так что я вынужден отклонить ваше предложение за любые деньги.

Повисло долгое молчание. Адалин больше не переживала, внутри нее все рухнуло еще пару мгновений назад. Внутри комнаты, напротив, кипели нешуточные страсти. С каждой секундой атмосфера накалялась все больше и больше.

- Что же, - равнодушно, словно это нечто само собой разумеющееся, протянул фон Миллер. - Значит, дуэль.

* * *

Внезапно дверь распахнулась, и луч света ослепил Адалин. Поморщившись, она прикрыла глаза руками.

– Может, ты все же войдешь? – насмешливый, высокомерный тон выбил девушку из колеи. Но больше всего удивляли нотки детского умиления, будто фон Миллер находил что-то забавное в происходящем. – Тебе стоит попроситься, пока есть такая возможность.

Адалин и не пошевелилась. Мужчина раздраженно выдохнул сквозь стиснутые зубы и, подойдя непозволительно близко, буквально стащил ее на пол. Девушка едва ли не упала от бессилия, и снова феодал был вынужден подхватить ее на руки, удерживая за ягодицы так крепко и по-свойски, будто имел на это право!

Адалин ненадолго пришла в себя, задохнувшись от наглости землевладельца. Подобные прикосновения могли позволить себе мужчины только в отношении жены или ребенка.

Грудь девушки выпирала из тонкого корсета, касаясь накрахмаленной рубашки фон Миллера. С каждым новым трением пальцы мужчины сжимались все сильнее, как и стиснутые до хруста челюсти.

– Дочь! – отец привстал с широкого темно-зеленого бархатного кресла, распахивая широкие объятия. Раньше Адалин находила там спасение от всех бед, сейчас же они казались лживыми.

Как только фон Миллер посадил Адалин прямо рядом с собой на широкий красный диван с резными деревянными ножками, она скользнула взглядом по встревоженному библиотекарю. Самсон Фолк не находил себе места, наверняка тревожась о предстоящей дуэли. Кажется, он даже не заметил появления Адалин.

– Отец... – слова соскользнули с губ девушки надрывным стоном, криком о спасении. – Что происходит?

– Наш дорогой господин Людвиг фон Миллер, – старик поднялся на ноги, снимая шляпу и склоняя седую, почти лысую голову в знак уважения к землевладельцу. Хозяин замка настолько привык к подобному отношению, что и глазом не повел. Адалин в который раз подметила для себя его высокомерие и тщеславие. – Оказал огромную честь тебе, а также всему нашему крестьянскому роду Семирсильд... Он хочет взять тебя в жены, милая! Разве это не чудесно?

– Что?!

На мгновение Адалин показалось, что она спит. Диван под ней будто растворялся, и девушка чувствовала себя проваливающейся с какой-то безмерной глыбы в пропасть... Конечности не просто онемели, они стали тягучими и растекающимися. Внезапно дышать стало нечем, легкие сковало. Адалин не могла найти себе место! Не могла найти слов, чтобы выразить весь тот ужас, что возник внутри от «чудесной» новости! Лучше бы фон Миллер заточил ее в башню, как она сперва решила.

Облизав сухие до боли губы, из-под ресниц взглянула на феодала, испепеляющего ее зрачками, ставшими снова красными. Он буквально ловил каждую эмоцию своими пугающими суженными глазами.

– Но... я ведь уже обручена в церкви! Нас благословили на брак! – закричала Адалин настолько громко, насколько позволяли сбивчивое дыхание и охрипший голос. В частности, связано это было с ладонью фон Миллера, которую он зачем-то решил разместить на ее колене, что было высшей мерой пошлости и полным отсутствием воспитания даже для обученных пар, не говоря уже про данный странный случай. – Это позор, отец. Ты хочешь, чтобы я стала... О, дьявол... любовницей? Вне нашей веры?!

– Согласен, – наконец, подал голос Самон Фолк. – Это недопустимо!

– Дорогая, у уважаемого фон Миллера есть власть и деньги. Он выше веры, – вконец добил девушку старик, который с самого ее рождения внушал дочери, что жить нужно исключительно по закону церкви. Что нет ничего ужаснее осуждения толпы и чужого мнения. – К тому же... Мы получили за тебя деньги, которые позволят безбедно прожить до смерти нам с матерью.

– Деньги... – печально вспомнила Адалин, опустив голову и втянув обратно непрошенные слезы. Впервые в жизни она так отчаянно пыталась быть сильной. Казаться той, кто стерпит любое предательство. Именно поэтому тон вышел немного издевательским: – Ты ведь меня продал... Как я могла забыть.

– Милая, в этом и есть суть детей! – возмутился старик, снова и снова кидая встревоженно-вопросительный взгляд на молчавшего фон Миллера. Он словно наблюдал за развернувшейся картиной и получал от этого странное удовольствие. Так казалось Адалин. Что скрывала холодная полуулыбка и сведенные на переносице брови, было не разгадать. – Выдать удачно замуж и обеспечить при этом себе безбедную старость. Все эти восемнадцать лет мы вкладывали в тебя любовь, разве ты не хочешь вложить немного в нас?

Адалин задумчиво уставилась на отца, криво усмехнувшись. Этот корыстный человек был ей не знаком. Любящий отец позаботился бы не только о своем обогащении, но хотя бы спросил, хочет ли этого брака Адалин.

– Хочу, – холодно отрезала девушка, закрывая для себя тему отцовской любви. Он уже все сказал, Адалин всего лишь товаром являлась для него. Повернувшись к фон Миллеру, она обратилась к старику: – Но... Позволь мне оспорить некоторые твои слова. Если бы наш землевладелец действительно был настолько уважаемым и достопочтенный, он бы не обрек свою избранницу на постыдное звание «любовница».

И снова Адалин услышала, как челюсти феодала раздраженно сомкнулись, желваки заиграли. И без того пугающий звериный оскал очерствел, зрачки стали на редкость узкими. Стакан с неизвестным девушке алкоголем, который мужчина держал в руках, вальяжно попивая, хрустнул и распался на две равные части. Темная жидкость запятнала белый ковер с высоким ворсом, но фон Миллер и бровью не повел.

– Никто и не говорил о любовнице, – рявкнул он так громко, чѐрство и остервенело, что все в комнате вздрогнули. Адалин тут же пожалела, что издевки ради посмела задеть гордыню феодала. – Завтра утром нас обручат. На территории замка есть церковь.

– Это недопустимо! – вскочив на ноги, истерически закричал Самсон Фолк. И все же для себя мужчина решил, что боится землевладельца меньше, чем людского

осуждения. – Вы нарушаете все правила! Адалин моя жена, и другого исхода не ждите. Консумирован брак или нет... Мы уходим. Вставай, дорогая!

Фолк протянул Адалин руку, надеясь на поддержку, но девушке в мгновение ока стало невыносимо страшно. Взыграл внутренний инстинкт самосохранения...

Фон Миллер просто смотрел на библиотекаря, и поза землевладельца казалась расслабленной и вальяжной, но... Боже, он просто распространял вокруг ауру холодящей опасности и многозначительного предупреждения. Будто хищник, готовый атаковать в любой момент, дай только повод.

– Чего ты сидишь, Адалин? – менее смело, прокашлявшись, поторопил девушку библиотекарь, стерев капли пота накрахмаленным платочком. – Идем скорее.

Сердце в груди Адалин безумно стучало, пульс вызывал мигрень. Она не могла решить: встать ли ей на сторону библиотекаря и гарантировано получить незавидное будущее или все же попытаться найти другой путь к свободе.

– Шпага или пистолет? – рассекли молчание, словно ледяным ножом, лишённые каких-либо эмоций слова фон Миллера. Он смотрел в упор на библиотекаря, не моргая, чем вгонял того в предобморочное состояние. Ладонь по-прежнему сжимала коленку девушки, с каждым мгновением все сильнее и сильнее, словно пытаясь оставить свой след. Отпечатать в памяти и сознании девушки, кто теперь ее мужчина. Кто главный.

– Шпага, – после секунды раздумий нехотя выдохнул Самсон Фолк, пораженно опуская голову. Для себя он уже проиграл.

Адалин знала, что не может повлиять на решение о дуэли. Не может оградить упертого Самсона и повернуть время вспять. Все же ей было жаль библиотекаря. Пусть девушка и не испытывала к нему любви, но уважения он заслуживал.

– Прошу, – взмолилась, неосознанно хватаясь руками за лацкан рубашки фон Миллера. Но когда осознала свою оплошность и попыталась отодвинуться, тут же оказалась остановлена хваткой мужчины. Он накрыл ее руки своей рукой, крепко удерживая. После чего облизал губы, хрипло прошептал:

– Продолжай... Начало мне уже нравится, дорогая...

Адалин выбросила странный подтекст из головы, выдохнув:

– Пусть дуэль будет честной. Не используйте свои способности, молю.

Фон Миллер долго молчал, хитро сверкая алыми глазами. Чем больше проходило времени, тем более дерзкой становилась улыбка на лице мужчины и отчаяннее выражение лица Адалин. Она знала: окажись правдой все то, что говорят про феодала, он может в секунду вырвать сердце из груди библиотекаря, даже не моргнув.

– Хорошо, – внезапно выдал фон Миллер, чем не на шутку удивил всех вокруг. Адалин широко распахнула глаза, но не успела ответить спасибо, как феодал продолжил: – За твой поцелуй, Адалин.

Сердце в груди Адалин забилося невыносимо быстро, грозя вырваться из-под узкого корсета. Она по инерции отшатнулась назад, сжимая побелевшими пальцами покрывшиеся густой краснотой щеки.

– Что?! – ужаснулась девушка, пытаясь найти хотя бы намек на шутку в лице сидящего рядом феодала. Но тот был серьезен как никогда. Глаза фон Миллера жадно разглядывали пухлые губы девушки. Мужчина едва сдерживал желание наброситься на нее здесь и сейчас, и плевать... Плевать на чужое негодование и несогласие Адалин. – Это недопустимо!

– Почему, дорогая? – бархатно пропел он, качнувшись в сторону девушки и накрывая ее своим громоздким телом. Они все еще соблюдали едва заметную друг от друга дистанцию, но мир вокруг словно замер. Адалин четко ощущала запах мяты, исходящий от шеи землевладельца, но тут же потеряла обоняние, когда пальцы фон Миллера намотали длинный вьющийся локон на палец и потянули на себя. Когда он шептал, горячее, словно лава, дыхание обжигало лицо девушки, заставляя дрожать: – Мы ведь почти женаты. Это всего лишь формальность.

Девушка бросила краткий мимолетный взгляд на молчаливого Самсона Фолка и поняла, что не бросит старика на произвол судьбы. Фон Миллер недовольно зарычал сквозь стиснутые зубы, надавив второй рукой на подбородок девушки,

заставляя смотреть лишь в его ало-красные мужские глаза. Дыхание феодала участилось, на губах растянулся раздраженный оскал:

– Каким будет твое решение? Я принимаю либо «да», либо «нет», Адалин, – настойчивый, твердый повелительный тон четко давал понять девушке, что дискуссия окончена.

Адалин нервно прикусила губу, фон Миллер буквально задохнулся от этого простого движения. Кожа его стала горячее, буквально источая тепло, словно камин.

– Могу я поцеловать вашу руку, господин? – наивно протянула девушка, но землевладелец сразу же отмахнулся. – Щеку? Вы, верно, имели в виду именно ее...

– Я имел в виду губы, Адалин, – начиная закипать, рявкнул мужчина, заставляя всех вокруг не в первый раз за беседу содрогнуться. – Губы, никак иначе. Ты согласна? Пора заканчивать эту бессмысленную дискуссию и приступать к...

Фон Миллер был настолько рассержен поведением своей невесты, что совершенно не заметил зарождающееся сомнение в ее глазах. Девушка давно для себя решила, что если чем-то сможет помочь другому, то обязательно сделает. И пусть это был ее первый поцелуй. Пусть ее губы никогда не касались других, в особенности мужских. Разве сей факт должен был стать проблемой, если речь идет о будущем человека?

Страшась усомниться в правильности происходящего, она лишь слегка качнулась телом вперед, крепко зажмуривая глаза... Все произошло само.

Когда губы обожгла стальная лава, а фон Миллер перестал говорить, Адалин снова ощутила себя падающей на самое дно бескрайней бездны. Она не знала ничего о поцелуях, мужском внимании и о том, что происходит, когда супруги остаются наедине. Где-то отдаленно в ее сознании всплывала крайне странная мысль: «А правильно ли я все сделала? Не опозорилась ли?» Адалин тут же отбрасывала ее. Ведь целует она не любимого человека, к которому хочет приглядеться, а почти что незнакомца. Замкнутого, холодного, чопорного и крайне неприятного.

– О, Адалин! – яростно сжав руками ее хрупкую талию, сбивчиво, невнятно, будто пьяно взмолился фон Миллер. Слово о самом разрушительном дьявольском проклятии или самой пленительной божьей благодати.

Адалин и пискнуть не успела, как язык феодала протолкнулся сквозь стиснутые зубы, увлекая девушку на какой-то новый, совершенно неизведанный уровень удовольствия. Да, Адалин крайне понравилось то, что она ощутила от прикосновений мужчины, его умелых поглаживаний и опыта... Но даже под страшными, убийственными пытками девушка ни за что не признала бы в этом никому в мире, не показала бы фон Миллеру. Ведь ее отношение к нему так и не поменялось!

Он чертовски крепко сжимал ее тело, словно отпусти он его... И Адалин растворится, растает, провалится сквозь землю. В мгновение ока все вокруг перестало существовать: правила, устои, нормы морали. Но лишь на мгновение...

– Хватит! – завизжала девушка, морщась и просовывая ладони между двумя телами, пытаюсь отстраниться. – Вы получили, что хотели, переходя все мыслимые и немыслимые грани!

Краем глаза Адалин увидела, как Самсон и ее отец отвернулись, храня смиренное молчание. Они покорились нраву Людвига фон Миллера, но совершенно не одобряли произошедшего. Адалин почувствовала себя изгоем, грязной и мерзкой потаскухой. Годной только для дома развлечений, где моряки проводили время вдали от жен. От этого ненависть к фон Миллеру лишь укрепилась.

– Ты действительно выполнила мою просьбу, – многозначительно протянул хозяин замка и положения. – Но грани я не переходил... Пока не переходил, дорогая.

Сглотнув вязкую слюну, онемевшая Адалин смотрела на поднявшегося на ноги феодала. Слова его звучали словно намек, что сегодня он таки вернется в спальню к девушке и закончит начатое... Такого допустить она просто не могла!

– Выбирайте! – распахнув створки встроенного в стену шкафа, фон Миллер открыл взгляду Самсона Фолка выбор оружия. Лучше, чем в любой дорогой лавке. – Пусть это будет ваше решение.

Библиотекарь придирчиво осмотрел каждую пару кинжалов, дотошно опробовав острие на прочность.

– Эти! – указал пальцем на самые изысканные, те, что с золотой ручкой и громоздким драгоценным камнем, Фолк схватил в руки шпагу и тут же кинулся на противника. На совершенно безоружного, собирающегося сражаться честно!

Фон Миллер успел прогнуться, когда кончик оружия пролетел всего в паре миллиметров от его лица, срезав прядь волос. Умелыми точными движениями феодал отвел противника в сторону, выхватывая и свое оружие с подставки.

Наконец, оба были вооружены.

Дуэли, казни, смерти от болезней были чем-то естественным, неотъемлемым в жизни Адалин. Она видела это каждый день, чувства постепенно притуплялись. И вот уже новые казненные на центральной площади не вызывали слез, как в детстве, а лишь досадную печаль и дикое нежелание повторения их судьбы.

Сейчас же все было иначе. Девушка как никогда хотела благоприятного исхода для обоих мужчин, хоть библиотекарь и повел себя совершенно не по-мужски. Напади он на безоружного среди других мужчин – его бы сразу осудили и при случае победы считали бы поединок нечестным.

Фон Миллер сражался, словно прошел не одну войну, его техника была совершенной, а движения точными и отлаженными. А Самсон Фолк едва удерживал шпагу, почти не двигаясь с места и лишь защищаясь, а не атакая.

– Последнее предупреждение, – холодно отчеканил землевладелец. – Откажись от Адалин, и я отпущу тебя с миром. Никто не узнает о происходящем в моем замке.

Адалин удивилась, нахмурившись. Откуда в фон Миллере столько благосклонности! Все мужчины округи мечтали похвастаться поверженным противником. Сдайся кто-то добровольно – поднимут на смех. Феодал предлагал старику достойный выход из ситуации: жизнь и остатки чести. Но Фолк был слишком глуп и напыщен, чтобы это признать.

– Ни за что! – задыхаясь и хватаясь за бок, закричал библиотекарь, после чего не удержал шпагу, и та скатилась к его ногам. Фон Миллер бросился к нему, но старик просто поднял с пьедестала старинную антикварную вазу с нарисованными на ней лилиями и кинул в голову мужчине. За ней полетели и горный хрусталь небывалой красоты, а также столовые приборы.

Как бы странно это ни выглядело, фон Миллер умело отражал выпады. Секунды не прошло, как шпага его коснулась груди Фолка, но замлевладелец не спешил ее пронзять, зачем-то замерев:

– Последний шанс, – сквозь зубы прорычал феодал. – Несмотря на то, что ты разбил то единственное, что осталось мне от матери.

– Ну уж нет! – саркастично рассмеялся Фолк, нагибаясь за своей шпагой. – У вас кишка тонка, господин...

Но не успел фон Миллер коснуться рукоятки, как все было кончено. Глаза библиотекаря Самсона Фолка в последний раз широко распахнулись, а на губах застыла улыбка.

Вскочив на ноги, Адалин подбежала к мужчинам, не глядя на осколки под ногами. И снова знакомый вкус желчи во рту предшествовал внезапному головокружению. Девушка оперлась руками на стеклянный столик, стараясь удержаться на ногах.

Ведь виной всему не упёртый старик, а она сама... Именно она стала причиной смерти.

– Адалин! – только и услышала девушка встревоженный голос фон Миллера, прежде чем окончательно потеряла власть над своим телом и сознанием.

Глава 3

Очнувшись, Адалин, еще не открывая глаз, почувствовала сильный резкий аромат роз. Будто те заполнили собой все пространство вокруг, вытесняя из

легких кислород. Кроме того, вдохнув полной грудью, девушка узнала четкий запах мяты. Она без сомнений понимала, кому он принадлежит, и этот кто-то непосредственно сидит рядом, у ее постели.

– Я знаю, что ты очнулась. Твое дыхание изменилось... – мужская массивная ладонь властно, но бережно скользнула по щеке Адалин, заставляя ее предательски вздрогнуть. Больше не было смысла играть роль спящей. Адалин тяжело вздохнула, открыла глаза и тут же замерла... Фон Миллер был ближе, чем она предполагала. Всего лишь в паре сантиметров от ее лица. – Как ты себя чувствуешь?

Комната и вправду оказалась заполнена алыми цветами... Но разглядеть их было крайне сложно за фон Миллером, который словно нарочно заполнял собой все пространство, заставляя девушку смотреть лишь на него.

– Нравится? – продолжил феодал, проследив за тем, с каким интересом его невеста рассматривает цветы. Знал бы он, что дело не столько в их безумной красоте и умопомрачительном аромате, как в ее желании хотя бы взглядом сбежать от преследований землевладельца. – Они из моей теплицы. Я прикажу горничную каждый день приносить их в нашу спальню.

«Нашу» больно резануло слух, и девушка встревожено взглянула на фон Миллера. В памяти всплыла недавняя смерть Самсона Фолка. А ведь именно с ним она обязана была провести остаток жизни! Теперь он «украшает» мраморный пол столовой феодала.

– Ты в порядке, дорогая? – Адалин сама не заметила, как тело ее покрылось мурашками, стало зябко. Глаза наполнились слезами, а дыхание участилось. – Тебе снова нехорошо?

– Вы убили его, господин, – дрожащим голосом прошептала Адалин очевидный факт, но, озвучив его, почувствовала себя еще хуже. – Убили...

– Называй меня по имени. Я – твой будущий муж! – резко приказал фон Миллер, но тут же сбавил тон и с тяжелым вздохом ударился лбом о лоб Адалин. Его ладони крепко сжали щеки девушки, стирая струйки солоноватой жидкости. Адалин оробела и замерла, чувствуя себя не в своей тарелке. – Ты винишь меня в его смерти? Я хочу знать.

– Да... Нет. Не знаю! – мысли в голове стали походить на растопленную тягучую карамель.

Адалин с трудом соображала. Обморок сыграл свою роль, но по большей части влияла близость фон Миллера. Стоило ей вымолвить хоть слово, как его губы «случайно» невесомо касались ее губ, будто желая повторить тот злосчастный поцелуй в столовой. Одно лишь воспоминание вгоняло девушку в краску! Адалин решила говорить без умолку, ведь молчание наедине с феодалом пугало ее намного больше.

– Понимаете... Я видела смерть. Виселицы не оставят никого равнодушным! Но, дьявол! Никогда не видела, как именно несчастные становятся такими. Как дух покидает их тело, последний вздох, последний взгляд... – прикусив губу и взяв краткую паузу, чтобы отдышаться, девушка почувствовала тяжелое рычащее дыхание фон Миллера, которое тот едва сдерживал. Адалин старалась не смотреть на господина, но знала: его глаза вновь ало-красные. – Никто не заслужил такой участи. Никто и никогда.

– Ты ведь знаешь, – хрипло прошептал феодал, внезапно зарываясь носом в рыжую копну волос Адалин. Его глубокий вдох заставил девушки вздрогнуть. – Я сделал все, чтобы сохранить ему жизнь.

– Ведь... – Адалин набралась мужества, чтобы продолжить, снова неосознанно облизав губы. Фон Миллер поймал это движение взглядом, проведя по влажным губам девушки указательным пальцем. – Все это произошло из-за меня! Почему? Почему, господин, именно я? Уверена, любая другая почтет за честь быть вашей супругой.

– Но не ты, Адалин, – сквозь зубы прорычал фон Миллер, озвучивая то, что Адалин решила оставить при себе. Каким-то чудом он угадал ее мысли. Мужчина навис сверху и, удерживая невесту за подбородок, заставил смотреть в его рассерженные суженные глаза, а не куда бы то ни было еще. – Неужели я такой страшный?

Адалин не хотела лгать, и на тему внешности девушка решила не разглагольствовать, дабы не делать комплимент и без того высокомерному феодалу. Людвиг фон Миллер был по-мужски красив. Его грубые, резкие черты лица соединялись с выразительными глазами и аристократическим носом.

Острые скулы, густые, сведенные на переносице брови, светло-розовые губы – все это добавляло какого-то бунтарского мужества и величия.

– Вы запрещаете мне видеться с родителями! – припомнила она весомый аргумент. Ведь, несмотря на то, что отец с такой легкостью отпустил дочь в неизвестность, девушке понадобится помощь, поддержка и внимание хоть от кого-то.

– Ты! Обращайся ко мне на «ты», – на последней капле терпения рявкнул фон Миллер, которого до скрежета зубов раздражала непокорность девушки. Ее дикое желание построить между ними непреодолимый барьер. Мужчина сходил с ума от желания обладать ею здесь и сейчас, запах тела Адалин был более пьянящим, чем любой алкоголь.

Желая проучить ее, фон Миллер буквально распластал тело девушки, удерживаясь на локтях, дабы вовсе не раздавить ее хрупкое тело. И все же мужчина исхитрился властно и жадно сжать сочную, выпирающую из корсета грудь Адалин, будто клеймя свое. Девушка встрепенулась, и глаза ее широко распахнулись. Адалин четко ощущала, как что-то внушительное и объёмное выпирает из брюк феодала, касаясь ее бедра. И пусть их разделяло множество тканей, девушке казалось, словно она абсолютно обнажена.

– Ты моя будущая жена! Пойми и прими это, наконец! Ты моя, Адалин! – яростно внушал ей фон Миллер, скользя кончиком носа сперва по щеке девушки, а после по ее шее.

Кожа в этом месте будто горела, искрила! Он ритмично толкался бедрами вверх-вниз, заставляя дыхание ускоряться. В какой-то момент Адалин почти решила, что не так уж и омерзительны ей эти прикосновения. Феодал явно был опытным любовником и умел соблазнять дам, но последние слова поставили точку в отношении девушки к этому типу:

– Ты должна быть очень счастлива обрести власть, деньги, статус и достойного мужа. Благодарить судьбу, что я выбрал именно тебя, дорогая.

– Вы правы, я вас не выбирала, – холодно отрезала Адалин, безразлично глядя в потолок и отчаянно избегая фон Миллера. Он мог целовать ее, обнимать, даже что-то большее, если захочет... Но это никак не коснется сердца девушки, оно

останется пустым. Эта решимость не могла не придавать ей сил и непоколебимости. – Но если бы мне кто-то дал выбор... Ни за что бы не выбрала вас. Кто угодно на этой земле! Только не вы, господин.

Фон Миллер замер, после чего выпрямился на руках, глядя на равнодушную Адалин, считающую секунды до ухода мужчины. Феодал тяжело выдохнул, в комнате повеяло холодом, пробирающим до костей. Поднявшись на ноги, он буквально в три шага пересек огромное помещение и оказался у массивных дверей с золотистой лепкой. Но когда рука фон Миллера коснулась ручки, он резко обернулся и рявкнул:

– Завтра на рассвете нас обвенчают в церкви. Не упрямясь, будет только хуже.

Дверь хлопнула, сердце девушки предательски пропустило удар. Она точно знала, сегодня феодал даст ей время прийти в себя, не потревожит в покоях ночью. Но завтра все случится, хочет она того или нет...

И что дальше? Жить с мужчиной, который в грош тебя не ставит? Всю жизнь заставит благодарить за благородную фамилию и крышу над головой? Без родных, друзей, знакомых... Словно изгой или отверженцы. Нет... Адалин сойдет с ума!

Вскочив на ноги, девушка со всех ног побежала к окну, но, распахнув широкие деревянные створки, замерла на месте, теряя всякую надежду. У подножья ее покоев бушевал океан.

* * *

Адалин Семирсильд считала себя неприхотливой молодой девушкой. Она не искала мужа молодого и красивого, не высчитывала своей выгоды. Не оценивала претендентов на свою руку, как объект вожделения. Имелись лишь два основных пункта, которые решали ее расположение: способность обеспечить родителям старость, а также уважение в отношении самой Адалин.

Самсон Фолк был стар, лучшие годы библиотекаря давно прошли. Его внешность без труда затерялась бы в толпе мужчин, но... Что-то в нем цепляло молодую невесту. Фолк уважал Адалин, воспринимал ее как равную себе и достойную

мать будущих детей. Если Адалин проявляла отсутствие образования, Самсон не насмехался над ней. Напротив, с успокаивающей и добродушной улыбкой обещал научить всему в будущем...

Людвиг фон Миллер казался Адалин кардинально другим. Молодое и поджарое натренированное тело соседствовало с высокомерием, гордыней и неоправданной жестокостью. Порой Адалин больше пугали вспышки ярости, чем неестественно алые глаза.

Вымеряя шагами отведенные ей покои, Адалин нервно кусала ногти и отчетливо видела картину их с Людвигом будущего: феодал станет развлекаться с ней, будто с купленной в таверне дешевой шлюхой. А после того, как Адалин забеременеет, найдет себе новую доступную любовницу для содержания. Как только официальный наследник появится на свет, молодая жена отправится в ссылку, без дитя, средств к существованию и светлого будущего.

Таких пар было великое множество!

– Он не любит меня, это очевидно, – нервно тараторила себе под нос доведенная до отчаянья девушка, нагнетая страх все больше. Возможно, сядь она, выпей ромашковый чай и успокойся – по-новому оценила бы ситуацию. Но рядом не было человека, способного обнять, дать верный совет и направить на путь истинный. Слишком много произошло всего за одни краткие сутки! – Невозможно влюбиться лишь за день... Зачем тогда я ему?

Не желая больше оставаться в четырех стенах, Адалин отворила дверь и самостоятельно вышла в длинный пустой коридор, не дожидаясь Агату. Девушка не помнила, как фон Миллер принес ее бесчувственное тело в спальню, поэтому руководствовалась инстинктами в выборе направления.

Шли минуты, словно долгие часы, а коридоры все не кончались. Половицы скрипели под ногами девушки, а большая часть свечи давно сгорела. Адалин ускорила шаг, страшась остаться одной напротив оленьих рогов или охотничьего ружья.

Когда в конце туннеля замаячил свет, Адалин не сдержала радостного смеха и спустя мгновение уже стояла напротив широкой винтовой лестницы. Непривычно узкой для такого большого замка и непривычно простой. Видимо,

решила Адалин, она забрела в часть, предназначенную для горничных...

Стоило ноге девушки коснуться первой ступеньки, как раздраженный крик всего этажом ниже заставил ее замереть:

– Нет, прошу тебя... – Адалин сразу узнала в нем фон Миллера, спокойного, расслабленного, но словно немного выбитого из колеи и обескураженного. – Приди в чувство и дай мне пройти!

– Прошу вас, господин... – взмолилась знакомая Адалин, горничная Агата. Неудивительно, что Адалин так и не получила свой перекус, а ведь служанка отправилась за ним довольно-таки давно. – Подумайте о моем предложении. Я всегда готова, только скажите!

– Не заставляй меня отсылать тебя прочь, – рявкнул феодал, и, судя по сдавленному писку Агаты, он просто отодвинул женщину в сторону, дабы пройти мимо.

Адалин уже было кинулась к массивной красной бархатной занавеске, за которой без труда можно было бы спрятать целого слона, но громкий, отчаянный рев горничной выбил девушку из колеи, заставляя снова замереть и прислушаться.

– На все ваша воля, господин! Только не отправляйте меня прислуживать ей... Это невыносимо! – по сдавленному, едва различаемому голосу Адалин догадалась, что девушка упала на колени и буквально зарылась носом в пол. Или, что еще хуже, в обувь фон Миллера! Последняя гипотеза, совершенно невероятная и до ужаса странная, подтвердилась, когда по небольшому пространству эхом разлетелись чмоки, чем-то напоминающие те, что производятся, когда кто-то в церкви слишком рьяно целует Библию.

«Дьявол! Она целует его обувь!» – догадалась Адалин, все еще совершенно не воспринимая происходящее. И все же руки предательски задрожали, а кровь хлынула от лица...

Девушка чувствовала себя так, будто подглядывает в дверную скважину чьей-то спальни, но странное внутреннее упрямство не давало ей уйти, она желала узнать всю правду.

– Агата, приди в чувство! – раздраженно протянул землевладелец, и снова Агата издала странный, сдавленный вопль, а после хрустнуло дерево, и застучал сервиз. Мужчина поднял ее и усадил на стол, никак иначе. – Куда мне еще, по-твоему, деть тебя? На меня работает много людей, все при работе. Личной помощницей ко мне ты не пойдешь, сама понимаешь почему...

– Но, Людвиг... – взмолилась заплаканная Агата, обращаясь к своему хозяину по имени, чего не могла себе позволить даже Адалин. И дело не только в приличиях, а в нормах морали – звучало это уж слишком лично и интимно.

– Тс-с! – заткнул он ее, не проявляя ни капли понимая и снисхождения. Фон Миллер был непоколебим в своем решении, озвучив его резко и холодно: – Не заставляй меня передумать на этот счет! Стоит моей будущей жене хоть раз пожаловаться, и я больше не буду добрым. Ты меня знаешь...

Адалин и глазом моргнуть не успела, как каблуки обуви фон Миллера застучали по деревянной лестнице. Каким-то невысказанным чудом девушке удалось за считанные мгновения забежать за ширму. Благо извечная темнота коридоров способствовала уединению.

Адалин подождала, пока фон Миллер пройдет как можно дальше, а Агата закончит плакать и спустится вниз. Только после этого девушка продолжила свою экскурсию, не желая догонять феодала и объясняться.

– Хм... – упершись в высокую резную дверь, чем-то напоминающую по стилю и лепке ту, из столовой, Адалин долго не решалась войти внутри. Она ощущала странную, непреодолимую тягу оказаться внутри, будто там ее место. Словно там что-то важное...

И все же, набравшись смелости, девушка таки вошла внутрь, замерев от нахлынувших эмоций и странных, граничащих с экстазом ощущений. Бесчисленные стеллажи книг метра четыре в высоту увлекли Адалин на добрые часы. Она жадно изучала корешки, радуясь тому, что тайно от семьи мало-мальски обучилась грамоте. Но среди крестьян было радостью достать хотя бы одну книгу, здесь же их были миллионы!

– «Изысканные десерты», – именно на кулинарии Адалин остановилась и без разрешения достала розовую книгу с золотистой надписью.

Зона для чтения располагалась около широкого панорамного окна с видом на лес и крестьянскую деревню. Устроившись поудобнее на ковре с высоким ворсом, Адалин, словно ребенок, бережно и трепетно открывала каждую страницу, узнавая все новые и новые сладости, о которых и мечтать не могла: мороженое, рахат-лукум, желе... Девушка подолгу изучала рисунки, после чего представляла, какими они могли быть на вкус.

Ноги затекли, и Адалин позволила себе откинуться назад, разглядывая зелено-белый орнамент на форзаце. Как вдруг что-то болезненно впилось ей в шею и плечи, словно острое лезвие или осколок... Девушка вскрикнула и подпрыгнула на ноги, но вместо холодного оружия нашла в ковре крупные затерявшиеся золотые чешуйки.

Покрутив их между пальцами на солнце, Адалин с интересом подметила, как сверкают они и нагреваются. Девушка слишком мало знала об этом мире и населяющих его животных, поэтому спокойно положила находку в платочек, а после убрала в карман, решив забрать с собой.

Адалин продолжила читать, незаметно для себя задремав. Ей снились бескрайние зеленые луга, ароматное ромашковое поле... И, конечно, мороженое... В своих мечтах Адалин могла есть его круглосуточно, в любых количествах...

– Где ты?! – из сладкой, приятной реальности ее вырвал надрывный рык. – Где ты, Адалин?!

Девушка не понимала, что происходит, но услышала, как сошла с петель внушительных размеров дверь, полетели в стороны книги и стеллажи. Она была уверена, что феодал пришел, чтобы убить ее, не меньше... Потому что выглядело все именно так!

Адалин забилась в угол около окна и спрятала лицо в ладоши, отчаянно повторяю заученную в детстве молитву. Ужас, который сеял вокруг фон Миллер, пугал так же сильно, как и его горящие во тьме глаза.

Когда землевладелец оказался рядом, то с его губ вырвался рваный стон, похожий на вздох облегчения. Феодал поднял Адалин за талию, встряхнул до легкого головокружения и холодно отчеканил каждое слово:

– Зачем ты пыталась сбежать? Я найду тебя, слышишь?! Где бы ты ни была, найду и верну! Ты моя! Моя, Адалин, слышишь?

Понимая, что это глупо и бессмысленно, Адалин все же утерла слезы и хрипло прошептала:

– Но я и не пыталась бежать... Лишь читала книгу, а после заснула. Простите, господин.

Бросив краткий цепкий взгляд на примятый ковер и раскрытую розовую книжонку, фон Миллер вернул внимание к Адалин и, изучив ее мокрые глаза и трясущиеся губы, прижал к себе хрупкое тельце. Так сильно и крепко, что захрустели кости, а бедная девушка жадно принялась хватать ртом воздух.

– Я думал, что потерял тебя, Адалин, – надрывно прошептал он ей на ухо. Впервые девушка услышала в его голосе странные отголоски человеческих чувств, что не сходилось с обликом мужчины. Губы его коснулись ее лба, дыхание участилось... Адалин слышала безумное биение сердца и изнывала от жара мужского тела. – Думал, что потерял...

Глава 4

Фон Миллер сидел на ковре в позе лотоса, крепко прижимая к груди свою невесту. Он жадно вдыхал аромат ее кожи, скользил пальцами по телу... Мужчина с ужасом вспоминал тот момент, когда после разговора с Агатой вошел в покои Адалин. Он хотел поинтересоваться, как ее дела, но на месте девушки не оказалось...

Стоило взгляду упасть на распахнутые створки окна, как кровь застыла в драконьих жилах. Впервые его, взрослого и опытного воина, подкосила лишь одна мысль, что непокорная рыжая крестьянка, которую он едва знал, могла

броситься в объятия скал и океана.

– Нет... Нет... – моментально одернул себя феодал, попятившись назад к выходу, будто страшась выглянуть и увидеть нечто ужасное. Фон Миллер тут же отсекся от этой мысли, заперев ее внутри себя на сотни замков, и твердо решил: – Адалин сбежала!

Спустя десять минут в главной столовой перед фон Миллером стояли все слуги: повара, стражи, садовники... Все, кто трудился в этом замке, впервые за историю собрались в одном месте и в один час. Хозяин заставил каждого изъясняться, испепеляя холодным, решительным взглядом. Фон Миллер знал, как сильно боялись его в округе, посему точно видел во взгляде перепуганных крестьян, что те говорят правду – никто ничего не знает.

– Как такое может быть! – обессилено упав на стоящее за спиной мягкое кресло, феодал закрыл лицо ладонями, пытаясь уговорить беспричинный, не поддающийся контролю гнев.

Он едва сдерживался от желания растоптать каждого на пути, отомстить, раздавить... Как они могли упустить Адалин?! Как позволили ей уйти?!

– Господин, мимо вашей охраны невозможно пройти незамеченным, – смело воскликнула Агата. Стоило только фон Миллеру услышать ее полный энтузиазма голосок, как ярость нахлынула новой силой. Не знай он лично, что горничная была с ним в момент исчезновения Адалин, точно повесил бы все на нее.

– Что ты имеешь в виду? – по слогам сквозь зубы отчеканил феодал, предупреждающе прожигая взглядом Агату.

Фон Миллеру ничего не стоило за долю секунды оказаться рядом и скрутить шею Агаты, забрав ее никчёмную жизнь раз и навсегда. Но мужчина позволит себе подобное лишь в одном случае: если та причастна.

– Возможно, – наигранно робко парировала Агата, хотя в ее голосе четко прослеживалась фальшь – девушке было в радость произнести вслух свою странную теорию: – Ваша невеста до сих пор в замке. Или...

– Или? – сжав кулаки, фон Миллер подскочил с места, теряя терпение. В комнате стало жарко, лица прислуги покрылись испаринами пота, стекла и зеркала запотели, свечи плавилась.

– Окна выходят на океан, госпожа могла просто...

Фон Миллер прервал слова Агаты, покинув комнату.

Для себя он точно решил: Адалин жива. Если она не покидала замок, значит, по-прежнему находится внутри. Фон Миллер собирался лично осмотреть каждый уголок, каждую комнату. Внимательно, зорко, пристально!

Чем больше покоев оставалось позади, тем сильнее росло отчаянье мужчины. Быстро, неумолимо, безжалостно фон Миллер сходил с ума, уныние граничило с паранойей.

Подойдя к библиотеке, землевладелец особо не рассчитывал на успех, но его сердце забилось быстрее, когда в косяке двери он заметил золотую нить из подола платья его невесты.

И вот теперь Адалин была в его власти... Он не мог насытиться ею, не мог налюбоваться... Фон Миллеру не нравилось, как в столь краткие сроки мужчина стал сильно зависим от девушки, но подобного было не избежать. Феодал планировал привязать к себе Адалин всеми возможными способами. Купить, если потребуется, ее любовь. Но впредь фон Миллер планировал всегда держать девушку на расстоянии вытянутой руки.

Адалин ощущала, как горячие губы вырисовывают ровную дорожку из поцелуев на покрывшейся мурашками шее. Как руки жадно сминают ее грудь до едва ощутимой боли. Как тяжело, сбивчиво и остервенело дышит фон Миллер... Девушка была слишком перепугана после его появления в библиотеке, чтобы посметь сказать хоть слово против. Она продолжала сидеть смирно, будто парализованная, пока тело вконец не онемело.

За окном стемнело, солнце спряталось за горизонтом. Только тогда феодал словно очнулся и пересадил Адалин на пол, а сам отправился зажигать свечи.

– Что ты читаешь? – с интересом приподняв розовую книгу, фон Миллер покрутил ее перед носом, будто какую-то диковинку. Стоило мужчине прочесть название, как на губах появилась умиленная улыбка. – Никогда не видел ее прежде.

– Это первое, на что упал взгляд, господин, – словно оправдываясь, моментально подала голос Адалин, упираясь взглядом в пол. Ей было не по себе рядом с хозяином замка. Он пугал ее, смущал, часто доводил до предобморочного состояния. Адалин решила, что если будет вести себя, словно услужливая горничная, то больше не заслужит подобного отношения к себе.

– Ты можешь брать тут все, что пожелаешь, – недовольно покачал головой фон Миллер, чувствуя себя виноватым. Это чувство было незнакомо землевладельцу и, распознав его, мужчина ощутил себя странно и... растерялся. – Сейчас я принесу тебе кое-что более интересное...

Адалин с опаской наблюдала за тем, как фон Миллер скрылся среди полок, и тайно надеялась на то, что феодал не вернется. Ей нравилось быть одной в этой большой комнате, ощущать запах книг, сидеть на мягком ковре.

Но спустя пару минут на пол рядом с ней упал огромный фолиант. Гордый орел выпирал сверху и был покрыт золотом. Адалин никогда не видела таких замысловатых обложек и, не удержавшись, провела пальцами по металлу.

– Что это? – распахнув книгу, девушка с удивлением обнаружила, что в ней нет ни единой знакомой буквы. – Этот язык мне не знаком.

– На нем говорят в столице, Адалин, – фон Миллеру нравилось наблюдать за тем, с каким интересом Адалин изучает книгу. Как нежно ее тонкие пальцы касаются вполне прочных страниц, будто боясь им навредить. Но больше всего мужчине польстило, как стыдливо Адалин краснела и отводила взгляд, боясь показаться невежественной и малообразованной. – Это карта мира и самых новомодных мест, куда стремятся путники. Здесь много иллюстраций.

– Как жаль, что мне ничего непонятно... – Адалин прикусила губу, стараясь скрыть разочарование. В жизни ей ни разу не доводилось покидать деревню, о других городах она слышала лишь по рассказам моряков.

Внезапно фон Миллер резко захлопнул фолиант, Адалин едва успела убрать руки. Девушка было решила, что феодал забирает книгу обратно, но тот лишь хитро сверкнул глазами, заговорщицки прошептал:

– Закрой глаза и открой любую страницу. Я прочитаю тебе предсказание. Хочешь?

Никакой страх, робость, неуверенность не могли встать на пути у Адалин, когда речь шла о чем-то новом, неизведанном. Она активно закивала, тут же следуя указанию мужчины. И фон Миллеру открылась возможность полюбоваться красотой своей невесты, пока та решала, где именно распахнуть книгу.

– Вот! – девушка протянула феодалу статью напротив нарисованного диковинного дворца, с колоннами в виде шаров, и нервно поерзала на месте, когда пальцы их ненадолго соединились. Фон Миллер, словно пытаясь задержать мгновение, сжал руку Адалин, но тут же отпустил, увидев уже знакомую ему опаску.

– Это замок восточного принца, Адалин. Люди называют его «Дворец вечного солнца», потому что множество витражных окон бросают свет на пролегающие мимо фонтаны, – фон Миллер читал Адалин, не в силах остановиться. Ему нравилось, как внимательно девушка вслушивается в каждое слово. Как напряженная морщинка между ее бровей медленно расправляется, а на губах появляется такая желанная мужчине улыбка.

– Теперь ваша очередь, господин! – оживилась Адалин. – Закройте книгу и распахните на любой странице.

– «Твоя». Твоя очередь, Адалин, – мягко настоял фон Миллер, старательно скрывая истинные чувства по поводу нежелания девушки принять его как мужа. – Нет, не хочу... К тому же я и так почти побывал...

– Невероятно! Здесь ведь немыслимое количество страниц, когда вы все успели? Сколько вам лет? – Адалин удивленно распахнула глаза, даже не подозревая, как сильно оговорился фон Миллера. Как много лишнего он позволил себе сказать, на мгновение потеряв бдительность! Уставшая девушка сладко зевнула, откинув руку назад и сделав на нее упор, но тут же завизжала: – Дьявол, как больно!

– Что там?! – фон Миллер в одно мгновение подскочил на ноги и оказался рядом, готовый залечить любую рану. Приподняв ушибленное запястье, мужчина с ужасом заметил, как в полутьме сверкнула золотая чешуйка.

Адалин наблюдала за тем, как глаза феодала расширяются, а лицо превращается в каменное, холодное, отстраненное. Фон Миллер неосознанно сильнее сжал запястье, пока Адалин сама его не одернула.

– Что это, господин?..

Не успела девушка договорить, как землевладелец быстрым шагом направился к выходу.

– В твоей ране нет ничего страшного. Идем, я провожу тебя в спальню... Завтра венчание.

* * *

Всю ночь Адалин снились кошмары. Она не могла разобрать их, выделить что-то одно, но в каждом из них неким образом присутствовал Людвиг фон Миллер.

Девушка испуганно закричала, просыпаясь и пытаясь вскочить с постели, но ничего не вышло. Каким-то странным образом кисти и лодыжки ее оказались привязаны к изножью и изголовью. Адалин испуганно огляделась и с удивлением заметила, что по комнате расставлены красные зажжённые свечи. Они-то и помогли девушке разглядеть крепкие узлы прочной веревки.

– Дьявол! – воскликнула Адалин, заметив в темном углу высокий мужской силуэт. Приглядевшись, смогла разглядеть красный бархатный халат и длинные вьющиеся волосы. Облизав пересохшие губы, она набралась мужества и лишь тогда сбивчиво прошептала:

– Господин?

Фон Миллер резко обернулся, и словно огоньки запылали его огненно-алые глаза. Адалин закричала, безрезультатно пытаясь вырваться, выпутаться из оков. По комнате эхом разлетелся пугающий холодный, злобный смех, тело

девушки от него окоченело, покрываясь мурашками.

– Что происходит? – нашла в себе силы произнести Адалин, теряя терпение с каждым шагом фон Миллера в ее сторону. – Зачем вы меня привязали?

– Ты теперь всегда будешь привязана, дорогая, – стальной тон был полон равнодушия и безжалостности. Каблуки громко стучали по каменному полу, заставляя сердце Адалин медленно выпрыгивать из груди. Когда фон Миллер поравнялся с кроватью, девушка едва не потеряла сознание, ощущая, как проваливается куда-то вглубь сознания, словно сквозь землю. – Ты моя, Адалин.

Девушка словно в замедленном темпе наблюдала за тем, как неторопливо феодал развязывает халат, обнажая голый торс. Тело мужчины напоминало выкованную из стали броню, каждая мышца на нем была четко прорисована.

На мужчине оставались лишь предназначенные для сна домашние штаны, когда он опустился на постель Адалин, жадно оглядывая ее хозяйским внимательным взглядом. В блеклом свете свечей можно было без труда разглядеть вены, густо оплетающие стальные руки.

– Мы не обручены! – закричала Адалин, пытаясь отползти к изголовью, но это казалось физически абсолютно невозможным – ее ноги по-прежнему были накрепко привязаны и предательски широко раскинуты. – Вы не можете спать здесь!

– А я и не собираюсь здесь спать...

И снова из горла фон Миллера прозвучал странный гортанный смех, от которого хотелось бежать и спастись. Хозяин замка медленно полз к Адалин, сменяя за собой ее ночную рубашку. Тонкая ткань скомкалась на груди, девушка понадеялась, что мужчина развяжет ей руки, чтобы закончить начатое. Но, видимо, его и так все устраивало.

Фон Миллер внезапно перестал удерживать свое громоздкое тело на вытянутых ладонях, медленно опускаясь, накрывая собою Адалин. Их кожа соприкоснулась, по животу девушки прошли танцующие мурашки.

– Что вы делаете? – невнятно выпалила девушка, не в силах унять дрожь. Ладони ее предательски вспотели, а губы снова пересохли.

– Тс-с! – шикнул на нее фон Миллер, прикладывая палец к губам.

Адалин ощутила, как что-то горячее и внушительное упирается ей в бедро, и задохнулась от осознания того, что возбужденный мужчина пришел к ней ночью в спальню. Феодал словно нарочно качнул бедрами вперед-назад, давая будущей жене в полной мере ощутить размер своего вождения. Щеки Адалин покрылись густым румянцем, заставляя ее зажмуриться, отвернуться к стене.

– Нет, – мягко возмутился фон Миллер, жесткость и злость внезапно куда-то исчезли. – Вернись ко мне...

Фон Миллер лишь слегка надавил на скулу Адалин, и девушка даже не поняла, как их губы соприкоснулись. Язык мужчины лишал ее чувств, доводя до безумия. Адалин забывала, что все это неправильно, нечестно... Она просто растворялась под опытными касаниями фон Миллера, таяла от его желания, напора, опыта.

Когда мужчина слегка отстранился, Адалин ощущала себя пьяной. Глаза по-прежнему были закрыты.

– Посмотри на меня... – прошептал ей в лицо феодал, но девушка его не послушала, не желая разрушать момент. Только он неожиданно сильно встряхнул ее за плечи, рыча раздраженным, грубым, совершенно неожиданно резким голосом: – Посмотри на меня!

Тогда девушка выполнила то, что он велит, моментально впадая в ступор... Страх ледяным душем обрушился на голову Адалин, лишая ее дара речи... Лицо Людвига фон Миллера было покрыто блестящими чешуйками, такими же, как те, что она нашла в библиотеке. Адалин опустила взгляд вниз, обнаружив, что ими покрыто все тело феодала: руки, торс, ноги... Каждая из них больно врезалась в тощее тело Адалин, вызывая невыносимую боль.

– Нравится?! – с издевкой протянул фон Миллер, скользя острыми, как самый лучший клинок, чешуйками по лицу девушки, оставляя глубокие раны. – Нравится?

– Отпустите! – молила Адалин, повторяя это снова и снова, из глаз ее брызнули слезы, а тело дрожало от адской рези. Фон Миллер не прекращал, смех его становился все громче и громче. – Отпустите, прошу...

Адалин ощущала, как кто-то трясет ее за плечи, но не сразу осознала, что это не фон Миллер. С трудом распахнув тяжелые веки, Адалин сквозь слезы не могла разглядеть встревоженную Агату, что-то невнятно ей внушающую.

– Не могла вас разбудить... – услышала девушка, с облегчением осознавая, что все пережитое – лишь дурной сон. Только вот легче от этого почему-то не становилось, облик покрытого чешуей владельца замка до сих пор не отпускал. – Сейчас же позову доктора...

Агата выбежала из покоев, оставляя девушку наедине с солнечным светом. Не без облегчения Адалин заметила, что нет никаких красных свечей и тем более прочных веревок. Посему моментально попыталась подняться. Но сильное головокружение и странная усталость заставили ее повалиться обратно.

У широкого зеркала висело шикарное свадебное платье с гипюровыми вставками и необъёмной фатой из фатина. На прикроватном столике лежали маленькие алые розочки, предназначенные для украшения прически.

Адалин вспомнила, что сегодня на рассвете должна была обручиться с Людвигом фон Миллером. На этом силы ее покинули, и девушка отключилась. На этот раз, благо без сновидений.

– Что с ней, доктор? – Адалин разбудил звонкий голос феодала. Он вышагивал из одного угла комнаты в другой, измеряя шагами пространство. Адалин чувствовала в каждом слове и движении напряженность. И все же не смогла открыть глаза и сказать хоть слово.

– У нее сильный жар, господин... – вздохнул около ее уха старик. Адалин ощутила, как что-то холодное касается ее груди. – Хрипов нет, но простуда очень сильная. Где она могла так переохладиться?

– Горничная утром видела в ее спальне распахнутое настежь окно, – негодуя возмутился фон Миллер. – Видимо, Адалин спала так всю ночь. Зачем она так поступила?

– У вас слабые створки. Они могли сами распахнуться от сильного ветра... – предположил старик, оставляя тело Адалин в покое. – Она поправится, господин. Просто нужно время и тщательный уход. Позаботьтесь о том, чтобы окна в вашем доме больше не раскрывались.

Феодал ненадолго замолчал, но даже не глядя на него, Адалин четко знала, куда смотрит мужчина.

– Обязательно, – прозвучал его однозначный ответ.

* * *

Сутки Адалин провалялась в полном беспомоществе, просыпаясь лишь на мгновение попить воды. Фон Миллер не находил себе места, лишь дважды покидал спальню невесты: чтобы назначить вторую горничную и приказать доктору временно обосноваться в соседней комнате.

И если последнее распоряжение еще можно было хоть как-то понять, то первое вызвало вопросы у работников замка. Порой казалось, что Агата переживает за состояние Адалин больше, чем сам фон Миллер. Она не отходила от постели, моментально выполняла любую просьбу, была очень уклончива и сердобольна.

– Это Матильда, – твердо заявил мужчина, больше не желая оставлять невесту наедине с Агатой. И пусть у него не было ни единого подтверждения причастности Агаты к болезни, а значит, и твердого повода для увольнения, он намерен был обезопасить Адалин всеми возможными и невозможными способами. – Теперь она будет помогать тебе ухаживать за Адалин.

– Но, господин, – растерявшись, девушка опустилась в мягкое кресло у постели больной Адалин. – Я ведь справляюсь.

Фон Миллер не желал слушать возражений. Он четко решил, что как только женится сам, отдаст Агату в жены садовнику. Мужчина давно просил ее руки, наступило самое подходящее время, чтобы отослать горничную подальше.

Ночью состояние Адалин резко ухудшилось, высокая температура вызвала сильную горячку и бред. Девушка бормотала себе под нос что-то невнятное, снова и снова покрываясь потом. Горничные не успевали менять простыни, смоченные в уксусе, как тело Адалин снова становилось горячим, словно раскаленный кусок железа.

Фон Миллер нервно выхаживал по комнате, не в силах слышать ослабленный голос будущей жены. Ему казалось, что каким-то странным образом мужчина ощущает всю боль Адалин, каждый ее спазм...

– Прошу вас, – в отчаянье схватив доктора за грудки, фон Миллер встряхнул его, заглянув в глаза. – Сделайте хоть что-то!

– Есть сильные лекарства, – дал надежду старик, заставляя феодала воодушевленно замереть. Но тут же ее и отнял: – Но они слишком дорогие для местных, и мне не приходилось закупаться подобными. Я уже отправил посыльного в столицу. Если повезет, через сутки-двое вернется.

– Сутки-двое?! – воскликнул хозяин замка, и ни в чем не повинная антикварная ваза, по несчастью стоявшая рядом на трюмо, полетела в соседнюю стену, чудом не задев Матильду. Фон Миллер ощущал, как по спине пробежал холодок, а такая хрупкая жизнь Адалин будто ускользала сквозь пальцы, словно песок. В эту секунду он принял единственное верное решение: – Я сам отправлюсь в столицу.

– Но, господин, – уклончиво протянул лекарь, страшась перечить мужчине в открытую. – Все лошади скачут одинаково быстро. Вряд ли вы поспеете раньше моего посыльного...

Фон Миллер лишь странно усмехнулся, горько и многозначительно, после чего глянул в окно, где давно сгустились тучи, а солнце зашло:

– Хорошо, что ночь... Я вернусь к обеду.

Никто так и не понял, каким таким волшебным способом Людвиг фон Миллер собирался преодолеть время и пространство. Глядя вслед мчащемуся в путь феодалу, доктор для себя решил: «Ему просто тяжело смотреть на смерть невесты, он хочет себя чем-то занять».

Но, как бы ни прощались все мысленно с Адалин, к рассвету опасность миновала. Открыв глаза, девушка с удивлением оглядела трех спящих в креслах у ее кровати людей. Адалин ощущала себя обессиленной и измученной, но все же без труда встала с постели, чем вызвала похвальный возглас старика:

- Не может быть! Какая радость!

Агата принесла ей вкуснейшую овсянку с яблоками, а также пышную сладкую булку с вишневым джемом. Матильда же увлеченно рассказывала о том, какие ужасные сутки пришлось пережить, и как они рады, что девушка все же поправилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/bushar_sandra/pravo-pervoy-nochi

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)